

ИДЕИ ПЛАТОНА В ТВОРЧЕСТВЕ А. И. КУПРИНА

О. Н. Щедринова

ФГАОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург

При сравнении художественных текстов А. И. Куприна с философскими идеями Платона находится много совпадений во взглядах на мир и на сущность бытия. Духовное родство писателя и философа свидетельствует о существовании универсальных идей, способных выразиться в любой гуманитарной сфере человеческого сознания, будь то философский трактат или литературное произведение.

Ключевые слова: А. И. Куприн, «Диалоги» Платона, философия, литература.

В любые переходные эпохи активно формируется новая модель диалогического пространства, в котором тесно переплетаются многие человеческие, исторические, нравственные и философские смыслы. Именно в такое время жил А. И. Куприн. Восприятие общечеловеческих идей и их ретрансляция в художественном тексте являются типической чертой его творчества. Свободное пространство, отделяющее писателя от исторического процесса, позволяло ему возвыситься над субъективностью и достичь высоты настоящей пророческой мудрости. В результате филологическая составляющая произведений Куприна плотно смыкается с их философским контекстом. В этой связи интересным представляется обнаружение в произведениях Куприна идей древнегреческого философа Платона.

Поиск реминисценций можно начать с универсальных категорий добра и зла в текстах Платона и Куприна. В рассказе «Философ» Куприн пишет: «Зло — это одна из тех вещественных эманаций, которые вырабатывает человеческий мозг и посылает в пространство. Но есть могучая, прекрасная, великая сила для потребления и нейтрализации зла как физической субстанции. Это горячая любовь к человеку, это живое, осязаемое добро, разливаемое охотно и радостно повсюду» [1, т. 7, с. 151]. По мысли Платона, добро и зло — это одинаково реальные понятия, при этом добро относится к миру идей, а зло — ко всему чувственному, видимому и изменчивому. Победить зло в мире, где нет места справедливости, практически невозможно, поэтому Платон ищет силу, способную этому противостоять, и находит ее в любви и в добре. В диалоге «Государство» он пишет: «Все губительное и разрушительное — это зло, а хранительное и полезное — благо» [4, т. 3, ч. 1, с. 477].

Много внимания уделяется в философии Платона такому понятию, как душа. Интересен с точки зрения мотивных сходжений рассказ Куприна «Психея» (1892). В нем повествуется о том, как талантливый художник, неожиданно во сне увидев дивной красоты девушку, потерял покой. Он пожелал запечатлеть ее образ в скульптуре, назвав ее своей Психеей. «И почему же непременно

Психея, а не Дафна или не Флора?» — восклицает Куприн вместе со своим героем [1, т. 2, с. 368]. Ответом служит весь текст повествования. И рассказ, и скульптура названы Психеей, потому что Психея (душа) для Куприна и его героя — это та суть и мера всех вещей, которая придает смысл всему сущему, ради чего существуют миры во Вселенной. Герой рассказа чувствует, что он увидел во сне нечто столь прекрасное, чему нет места в земной жизни, что является памятью прошлого, доземного существования. И, охваченный творческим порывом, он создает невиданной красоты скульптуру. При этом художник теряет покой: он перестает есть и спать, общаться с внешним миром, посвящая себя только работе. Художник готов пожертвовать чем угодно, лишь бы увидеть свое творение ожившим. Когда этот момент наступает, из груди творца вырывается крик восторга: он наконец видит свою Психею. В финале рассказа становится ясным, что герой умирает в клинике для душевнобольных, но счастливое воссоединение с собственной душой, облик которой он успел изваять, все-таки состоялось. Куприн описывает невероятную ситуацию, когда человек перед смертью воочию видит прообраз своей души и переходит в иной мир абсолютно счастливым и узревшим в своем прозрении картины небесного мира.

Сравним этот рассказ Куприна с представлением Платона о душе, данным им в диалоге «Федр». Платон пишет, что душа изначально более всего причастна божественному, а значит, прекрасному, мудрому и доброму. Душе было восхитительно созерцать истинную красоту в мире богов и наслаждаться этим дивным зрелищем, тем самым постигая божественные тайны. Когда же душа, носившаяся в воздушных пространствах, влечется вниз, то находит себе жилище в теле, и прекрасные видения начинают возникать в ней лишь неожиданными отблесками воспоминаний о небесной красоте. Это значит, что память души крепка, потому что даже в земной жизни ее не покидают отдаленные воспоминания о прошлом пребывании в мире богов и о красоте того мира. Поэтому томлящаяся душа всюду начинает искать приметы того поднебесного мира в своем нынешнем земном существовании. Душу тянет в родные просторы космоса так же, как человека тянет на родину. Но, по мысли Платона, припоминать то, что было там, нелегко любой душе, поскольку все священное и виденное, к несчастью, забывается. Мало остается таких душ, у которых достаточно сильна память. Только человек, правильно пользующийся такими воспоминаниями, становится совершенным, ибо стоит вне человеческой суеты [4, т. 2, с. 186–190].

Разумеется, что душа настоящего художника обращена к таким воспоминаниям [3]. Герой рассказа Куприна — нелюдим, свою жизнь он всецело посвящает творчеству, редко выходит из дома и мучительно работает над созданием образа. Он рассуждает так: «Нам, художникам, судьба дает средства постигнуть его <идеал>, но до этой великой ночи все мы мучительно и бесплодно гонялись только за его призраком. А я, бледный, некрасивый, изможденный ваятель, я достиг того, что казалось до сих пор невозможным, я схватил это невозможное и заключил его в крепкие, осязаемые формы. <...> настанет ее

<Психеи> время, и сама судьба извлечет ее, как светильник, который должен светить на горе» [1, т. 2, с. 371]. В последних словах слышатся отголоски образов вершины или хребта, часто используемые Платоном. Отдельные места внутреннего монолога героя становятся прямой ретроспекцией диалогов Платона: «Теперь я понял, отчего ее лицо казалось мне таким простым и знакомым. Она есть тот прототип божественной красоты и гармонии, стремление к которому вложено в душу каждого человека со дня его рождения» [1, т. 2, с. 371].

В процессе творения своей Психеи художник изнурительно пытается припомнить, где и когда он мог видеть эти черты: «Стало быть, и я мою Психею должен был видеть. Но где же? Я перебираю в уме всех классиков и положительно не могу припомнить. Странно знакомое лицо, но описать его нет никакой возможности» [1, т. 2, с. 368]. Платон дает ясный ответ на подобные вопросы: «Сияющую красоту можно было видеть тогда, когда мы вместе со счастливым сонмом видели блаженное зрелище, одни — следуя за Зевсом, а другие — за кем-нибудь из богов» [4, т. 2, с. 191]. Невозможно не провести параллель между мотивами текстов Платона и Куприна, которые касаются самого момента созерцания божественной красоты. Платон пишет: «Души, называемые бессмертными, когда достигнут вершины, выходят наружу и останавливаются на небесном хребте; они стоят, небесный свод несет их в круговом движении, и они созерцают то, что за пределами неба» [4, т. 2, с. 191]. В рассказе Куприна читаем: «Я долго-долго стоял, безмолвно созерцая неземную красоту моего создания. Это восхищение, которое я теперь испытываю, не надоеет никогда» [1, т. 2, с. 371].

Что же происходит с душой человека, живущего на земле, если он сталкивается с памятью о неземной красоте? Такой человек впадает в состояние иступления, сходного с потрясением посвящаемого во время инициального обряда [2]. В нем происходит борение двух начал: идеального и материального. Платон пишет: «они <души> всякий раз, как увидят что-нибудь, подобное тому, что было там, бывают поражены и уже не владеют собой, а что это за состояние, они не знают, потому что недостаточно в нем разбираются. Припоминать то, что там, на основании того, что есть здесь, нелегко любой душе». И еще: «Когда кто-нибудь смотрит на здешнюю красоту, припоминая при этом красоту истинную, он окрыляется, а окрылившись, стремится взлететь». Это состояние имеет совершенно отчетливые физические признаки, описанные Платоном: человек «сперва испытывает трепет, на него находит какой-то страх, его бросает в пот и в необычный жар, затем он смотрит с благоговением» [4, т. 2, с. 190, 191, 192]. А вот как описывает подобное состояние Куприн: «исполиньские мысли, одна другой смелее и оригинальнее, так переполняют мою голову, что мне иногда становится за нее страшно. Но, что всего важнее, я во время процесса творчества, точно в религиозном экстазе, ощутительно познаю в себе сладкое присутствие моего неведомого бога. Голова моя пылает, по спине бегают холодные волны, волосы мерзнут и шевелятся на голове, дух мой ликует. Мысль работает

страшно сильно»; «нервы мои ожили, работа идет легко и быстро, и каждый вечер я ощущаю состояние полного равновесия ума и сердца, — состояние, близкое к блаженству» [1, т. 2, с. 365].

Однако состояние блаженства/исступления сопровождается огромным физическим истощением, что и понятно, так как усиление власти души над телом приводит к физическим недугам, а исступление приводит к неистовству, от которого, по мысли Платона, человек «не может ни спать ночью, ни днем оставаться на одном месте. В тоске бежит он туда, где думает увидеть обладателя красоты» [4, т. 2, с.192]. В рассказе Куприна художник начинает понимать, что чем более он насыщается душевными силами, тем быстрее он теряет свои физические силы: «Вот уже третий день, как я не отрываясь леплю мою Психею. С утра до вечера я работаю до одури, до истощения. Я не видел себя недели три и просто испугался» [1, т. 2, с. 368–370]. Чем выше герой рассказа восходит к высотам идеального, тем яснее становится его обреченность и приближение к окончанию земной жизни. Герой Куприна, освобождаясь из темного плена земного бытия, устремляется к лучезарному свету, сияющему на недостижимой высоте. Он пишет об этом так: «Я не понимаю, что значит эта мрачная комната с решеткой. Или это та самая темница, из которой, как говорил Сливинский, должен освободиться мой дух? Боже мой! Как трудна победа! Временами я бьюсь головой в стены моей темницы... Победа! Руки не повинуются мне больше, легкие с каждым дыханием захватывают все меньше и меньше воздуха. Но в недостижимой высоте, сквозь волны лучезарного света, я уже вижу твою нежную улыбку, мое божество! Моя Психея!» [1, т. 2, с. 380].

Путь к Свету, обретение своего высшего «я» является концептуальной идеей философии Платона. Эта же мысль лежит в основе рассказа «Психея», сюжетная логика которого развивается сообразно духовной вертикали, по которой осуществляется восхождение духа главного героя. Куприн иллюстративно точно вторит идеям Платона, воссоздавая их в привычной для него литературно-художественной форме.

Мир Куприна наполнен глубинным смыслом. Энергичное поле небесных измерений притягивает его, становясь личным творческим пространством, из которого он совершает трансцендентный прорыв в бесконечность истинного знания. Именно таким образом, с точки зрения собственной системы ценностей, которые он противопоставляет обыденному мышлению, Куприн раскрывает сущность процессов сопряжения общечеловеческих универсальных идей в творчестве писателей и философов. «Вообразите себе ниву, созревшую, спелую ниву, но всю истоптанную во вчерашнем сражении. Брезжит раннее утро, на востоке янтарная полоса, луна побледнела... А на ниве лужи крови, обломки оружия, трупы человечьи и лошадиные, вдали мерцают огни лагеря... И вот среди этой крови и этого ужаса медленно плывет туманная фигура Христа, с опущенной вниз головой и опечаленным ликом...» [1, т. 3, с. 456].

Идея Куприна, заключенная в духовном видении мира, обращает внимание читателей на неразграниченность миров. Куприн убежденно отстаивает единение реальностей, в которых связующим звеном являются вечные истины и вечные ценности, способные сохранить духовную и физическую жизнь на Земле. Не случайно Шопенгауэр, один из преданнейших последователей учения Платона, писал: «Ведь сущность поэзии, как и всякого искусства, заключается в восприятии платоновской идеи, то есть того, что в каждом единичном явлении есть существенное и потому общее целому классу; от этого всякая вещь выступает представительницей своего рода, и один случай заменяет тысячи» [5, с. 307].

Список литературы

1. *Куприн А. И.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 2. 576 с.; Т. 3. 656 с.; Т. 7. 544 с.
2. *Милюгина Е. Г.* Герой в пространстве мира-лабиринта мифа и волшебной сказки: о трансформации мифологемы инициального лабиринта // *Детская литература и воспитание: сб. науч. тр.* Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. С. 52–60.
3. *Милюгина Е. Г.* Своеобразие романтического дуализма // *Романтизм: грани и судьбы: сб. науч. тр.* Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. № 1. С. 24–31.
4. *Платон.* Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса; пер. с др.-греч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 2. 626 с.; Т. 3, ч. 1. 752 с.
5. *Шопенгауэр Артур.* Афоризмы житейской мудрости. М.: РИПОЛ-классик, 2009. 368 с.

Об авторе:

ЩЕДРИНОВА Оксана Николаевна, преподаватель ФГАОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», Санкт-Петербург; e-mail: pronttto@yandex.ru.